

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

© 2001 г., ЭО, № 1

А.А. Зубов

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОЛИ «ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ЭВОЛЮЦИИ РОДА *НОМО**

О загадочных древних людях, живших сотни тысяч лет назад и более продвинутых по сравнению с архантропами в эволюционном отношении, науке стало известно почти век назад, когда была найдена челюсть так называемого Гейдельбергского человека, не получившая четкого определения в систематике. С тех пор было обнаружено много столь же «неопределенных» черепов гоминид, относящихся к нижнему и среднему плейстоцену и условно называвшихся «прогрессивными архантропами», или «пренеандертальцами». К концу XX в. исследователи пришли к согласию относительно существования в плейстоцене «единого пласта» подобных форм, но этот «пласт» большей частью считался не видом, а скорее конгломератом сходных по эволюционному уровню переходных морфотипов. Термин *Homo heidelbergensis*, введенный в 1907 г. долго не был наполнен конкретным содержанием, хотя в последнее время его стали чаще употреблять в отношении некоторых палеоантропологических находок.

В данной статье поставлены следующие задачи: 1) на основании сравнительного анализа «неопределенных» ниже- и среднеплейстоценовых находок попытаться ответить на вопрос, был ли *Homo heidelbergensis* единым биологическим видом, широко распространенным по ойкумене, или же речь идет об искусственном объединении ряда случайных, генетически не связанных находок местного значения, сходство которых носит лишь чисто стадийный характер; 2) если *Homo heidelbergensis* выделен на реальной биологической основе как вид, необходимо определить его временные и территориальные рамки; 3) исследовать роль Гейдельбергского человека в эволюции рода *Номо*. Для решения этих задач нужно прежде всего подробно рассмотреть в сравнительном аспекте основные палеоантропологические находки Европы, Африки и Азии эпохи нижнего-среднего плейстоцена, которые не получили однозначной оценки в систематике, с целью установить общий комплекс особенностей, который мог бы свидетельствовать о генетическом видовом единстве исследуемой выборки древних гоминид.

Первые следы *Homo heidelbergensis*

В Германии, к северу от д. Мауэр близ Гейдельберга во время работ в песчаных карьерах в конце XIX – начале XX в. постоянно находили кости различных вымерших животных. За этими событиями внимательно следил приват-доцент Гейдельбергского университета Отто Шетензак, рассчитывавший найти какие-либо костные остатки человека. В то время были уже хорошо известны блестящие результаты раскопок Э. Дюбуа на Яве и широко комментировались новые данные о природе неандертальского человека. 21 октября 1907 г. рабочий песчаного карьера Даниэль Хартманн

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 99-06-80384) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-01-00176).

известил О. Шетензака о находке на глубине 24 м человеческой нижней челюсти наряду с костями раннеплейстоценовых животных, в частности «этрусского носорога», что указывало на очень большую древность найденного экземпляра (период гюнц-миндельского интергляциала, т.е. примерно 550 тыс. лет до современности). Ученые начала XX в. сочли это открытие самым древним свидетельством пребывания человека в Европе.

Найденная челюсть до того поразила О. Шетензака своими огромными размерами и массивностью, что исследователь сначала даже отказывался верить, что перед ним – часть человеческого черепа: необычайно широкая восходящая ветвь, исключительно большая толщина тела, в частности в области симфиза, скошенный назад подбородочный отдел, совершенно лишенный столь типичного для современного человека выступа, крупные, округлые сочленовные головки суставных отростков, которые у живого индивидуума служат для подвижного соединения нижней челюсти с остальной частью черепа (у современного человека они тонкие, цилиндрические).

Архаичные особенности гейдельбергской челюсти помимо названных очень многочисленны: на внутренней стороне симфиза отсутствует подбородочная ость (*spina mentalis*), нижний край в области симфиза закруглен, ямки для прикрепления двубрюшных мышц расположены не как у современного человека (на внутренней поверхности), а у самого нижнего края, подбородочные отверстия велики, имеются дополнительные отверстия, венечный отросток широк и округлен, вырезка верхнего края восходящей ветви – неглубокая, зубы крупные, но в сравнении с общими размерами челюсти кажутся небольшими. Самый крупный моляр в ряду – второй.

Вместе с гейдельбергской челюстью не удалось найти каменных орудий, однако можно предположить, что они были, так как в слоях с аналогичным фаунистическим комплексом в других регионах обнаружено множество каменных орудий, характеризующихся ашельским типом. Это еще раз подтверждает значительный геологический возраст слоев, из которых происходит описываемая челюсть.

О. Шетензак дал своей находке название *Homo heidelbergensis* – «Гейдельбергский человек», подчеркнув тем самым ее особое положение в систематике и невозможность включить в известные в то время таксоны гоминид. После открытия, сделанного немецким исследователем, прошло много лет, а на гейдельбергской находке продолжала лежать печать уникальности: вопрос о систематическом положении новой формы человека либо оставался без ответа, либо давались определения, сразу же вызывавшие возражения. По морфологии самой челюсти казалось наиболее логичным сблизить найденное существо с питекантропами, как называли тогда представителей *Homo erectus* (другое название – архантропы), однако зубная система и некоторые иные особенности указывали на более высокий эволюционный уровень.

Для антропологов середины XX в. Гейдельбергский человек долгое время был загадкой. В учебниках чаще всего приводилось только описание находки без четкого определения ее таксономического статуса. Лишь в отдельных случаях говорилось либо о принадлежности найденного индивидуума к «прогрессивным архантропам» (питекантропам), либо о сближении его по некоторым признакам с неандертальцами. Всех к тому же поражала огромная древность гейдельбергской челюсти. Развевать миф об уникальности описываемого «древнейшего европейца» не позволяло отсутствие среди ископаемых находок сколько-нибудь полного черепа соответствующего найденной О. Шетензаком челюсти. Она оставалась, да и сейчас, по мнению некоторых исследователей, остается «непристроенной» в систематике находок ископаемых гоминид.

При этом следует заметить, что во время раскопок в руки палеоантропологов попадали древние черепа с территорий Европы, Африки и Азии, которые также фактически оставались «непристроенными» в систематике и не могли быть объединены в один таксон с гейдельбергской челюстью или в силу своеобразия и вариабельности, или просто из-за отсутствия других нижних челюстей, которые можно было бы прямо сопоставить с гейдельбергской. Во всяком случае так думали в середине XX в., когда имелось слишком мало материалов для обобщений.

Древнейшие европейцы

30-е годы XX в. принесли новые открытия костных остатков ископаемых людей, положение которых в систематике гоминид представлялось неопределенным и спорным. В 1933 г. близ местечка Штейнгейм в 30 км к северу от германского г. Штутгарта антрополог и археолог Ф. Беркхэмер нашел хорошо сохранившийся череп небольших размеров без нижней челюсти, по-видимому, женский. Данный экземпляр отличался удивительным сочетанием примитивных и прогрессивных особенностей. Низкая черепная крышка, «убегающий» лоб, массивный надбровный валик – все это могло указывать как на принадлежность к архантропам, так и на связь с неандертальским таксоном. Штейнгеймского человека многие поспешили объявить неандертальцем, хотя такое заключение встретило немалые затруднения, прежде всего в результате оценки древности черепа: он датирован миндель-рисским временем, т.е. его геологический «возраст» лежит в пределах от 400 до 200 тыс. лет до современности, что плохо увязывается с идеей принадлежности находки к неандертальцам, жившим значительно позже. Тем не менее долгое время в Штейнгеймском человеке видели раннего неандертальца, что породило миф о древнейших неандертальцах Европы.

Однако не только древность препятствует включению штейнгеймца в неандертальский таксон. Имеется ряд морфологических признаков, резко противоречащих такому «диагнозу»: объем мозговой коробки штейнгеймского черепа равен всего лишь 1070 см³, в отличие от крупных неандертальских черепов. Это увязывается скорее с краниологическим типом архантропов: строение скуловой области полностью лишено неандертальской специализации (скошенности скуловых костей и скулового отростка верхней челюсти); имеется клыковая ямка (современный признак); затылок округлый, как у современного человека, без «неандертальского шиньона»; вертикальное положение боковых стенок черепа: заметно выраженный сосцевидный отросток височной кости (современная особенность); «килевидная» форма черепа (как у архантропов).

Эта удивительная мозаика весьма примитивных и сапиентных особенностей позволила исследователям середины XX в. построить так называемую гипотезу пресапиенса, согласно которой современный человек произошел в Европе, минуя неандертальскую стадию, от гоминид типа Штейнгейм, Сванскомб, Фонтешевад (см. ниже).

В 1935–1936 гг. в Англии, в долине Темзы, близ селения Сванскомб в 30 км к востоку от Лондона А. Мартсон нашел при раскопках затылочную и левую теменную кости женщины, жившей примерно одновременно с людьми штейнгеймского типа. Вместе с фрагментами черепа были найдены каменные орудия, определенные археологами как ашельские. Обнаруженный экземпляр во многом напоминал череп из Штейнгейма. Он отличался той же выраженной мозаикой примитивных особенностей (огромная толщина костей, низкий свод) и черт, свойственных современному человеку: довольно большой объем мозговой коробки (1325 см³), округлая затылочная область, как у современного и Штейнгеймского человека. Эта находка, как и описанная выше, породила споры о происхождении современного человека от древних миндель-рисских форм, минуя неандертальскую фазу.

Позже, в 1947 г. к двум описанным экземплярам прибавились фрагменты черепов из Фонтешевад (Франция, деп. Шарант), обнаруженные французской исследовательницей Ж. Анри-Мартен. Найденные части лобной кости и черепной крышки двух индивидуумов по времени относились к миндель-рисской эпохе. Морфологический анализ находок показал наличие той же характерной мозаики архаичных и сапиентных особенностей, которая была констатирована на черепах из Штейнгейма и Сванскомба, что дало сторонникам гипотезы «пресапиенса» повод использовать и этот экземпляр в качестве аргумента в спорах.

Следует сказать, что в наиболее законченном варианте гипотезы «пресапиенса», сформулированном А. Валлуа, фигурируют только два черепа из трех описанных, а именно Сванскомб и Фонтешевад; штейнгеймский череп этот исследователь отнес к группе «ранних неандертальцев». Английский антрополог Ф.К. Хауэлл¹ предпочел

присоединить к этой «раннеандертальской» группе все три указанных выше черепа, отмечая их большое сходство (подчеркнем это важное замечание). В том же духе высказались и многие другие исследователи, предложившие упразднить термин «пресапиенс» и заменить его общим определением «ранние генерализованные неандертальцы». Напомним, что и этот термин явно страдает недоучетом существенных отличий описанных трех экземпляров черепов от черепов неандертальцев.

В строгой систематике гоминид рассматриваемым европейским формам опять не нашлось места, что вызвало к жизни такие наименования, как, например, *Homo praesapiens steinheimensis*², т.е. один и тот же череп именовался и пресапиенсом, и неандертальцем, и пренеандертальцем, а также «прогрессивным архантропом». Гейдельбергская челюсть по-прежнему дождалась своего часа: ее невозможно было сопоставить с новыми находками хотя бы вследствие отсутствия у последних аналогичных отделов черепа. Только в конце 1940-х годов в руки палеоантропологов стали попадать ископаемые нижние челюсти и их фрагменты, относящиеся к миндель-рисскому времени.

В 1949 г. археолог-любитель Р. Каммас нашел в гроте Монморен (Франция, деп. Верхняя Гаронна) массивную человеческую нижнюю челюсть с шестью зубами-молярами, а также отдельные зубы и позвонок. По толщине костей в области симфиза, по форме подбородочной области, резко скошенной назад под углом 73°, большой ширине восходящей ветви и низкому положению ямки двубрюшной мышцы найденная челюсть была очень близка к гейдельбергской, а по размерам зубов – к штейнгеймскому черепу, будучи, однако, слишком массивной для последнего, что известный палеонтолог Г. фон Кенигсвальд³ отнес на счет сильно выраженного полового диморфизма.

Древность находки, по Г. фон Кенигсвальду, характеризуется миндель-рисским временем, как и древность штейнгеймского черепа. Такие признаки, как узкая, вытянутая форма альвеолярной дуги, «узор дрионитека» на всех молярах, большие размеры третьего моляра (он самый крупный в ряду), являются весьма архаичными особенностями челюсти из Монморен. В 1977 г. французские исследователи Г. Билли и А. Валлуа⁴ высказали мысль, что эта находка может считаться в некотором роде даже более примитивной, чем челюсти архантропов, и должна быть отнесена к «пренеандертальцам». Тем не менее общий облик этого загадочного «пренеандертальца» восстановить не удавалось: необходимы были находки полных черепов с нижними челюстями.

В науке складывалось представление о каком-то странном типе древних гоминид, не укладывающемся в рамки систематики, выработанной в середине XX в. Каждая новая находка представляла собой ценный вклад в создание целостной картины морфологического облика этого типа. Значительным событием в этом отношении явилось обнаружение в 1965 г. в Греции, в районе Петралоны, хорошо сохранившегося черепа (*salvarium*, без нижней челюсти). Его нашли в сталагмитовой пещере, практически на поверхности земли, что сначала затруднило датировку. После долгих споров, путем применения различных методов удалось определить геологический возраст этого названного «Петралона-1» экземпляра с большей или меньшей точностью: 350–400 тыс. лет до нашего времени, т.е. череп принадлежал индивидууму, жившему в период миндель-рисского межледниковья.

По морфологическому типу «Петралона-1» – достаточно хорошо выраженный «пренеандерталец». Бросается в глаза мозаичное сочетание очень архаичных и достаточно прогрессивных особенностей: массивный надглазничный валик и большая толщина костей наряду с довольно значительной высотой свода, относительно низкими орбитами, намечающимися клычковыми ямками. Обращают на себя внимание «килевидная» форма черепа и резкий перегиб затылка с сильно выраженным затылочным торусом (черты, свойственные скорее архантропам), а также некоторые неандерталоидные особенности (скошенность скуловой области, широкое носовое отверстие). Объем черепа 1220 см³ – промежуточный между архантропом и более поздними гоминидами.

Исследователи отмечают огромную ширину неба и верхней челюсти на черепе «Петралона-1». По словам известного антрополога Д. Джохансона⁵, для этого черепа была бы мала даже гейдельбергская челюсть, которая долгое время считалась слишком большой для каких-либо известных типов гоминид. Греческая находка не скоро нашла свое место в систематике и определялась то как архантроп, то как неандерталец. Термин «пренеандерталец» для таких экземпляров явился все же в свое время наиболее удачным, поскольку хотя бы указывал на некоторое единство «неустроенных» в таксономическом отношении костных остатков ряда гоминид, относящихся преимущественно к миндель-рисскому межледниковью, иногда – к более ранним или более поздним эпохам.

Начиная с 1960-х годов накопление материала по «пренеандертальцам» пошло очень быстрыми темпами и вскоре привело к существенным обобщениям. Они касаются описываемой фазы антропогенеза, которой и посвящается данная статья.

Начатые в 1964 г. французскими палеоантропологами А. и М.-А. де Люмлей раскопки в Восточных Пиренеях дали богатый, относящийся к роду *Homo* костный материал: скелетные остатки примерно 60 индивидуумов и 40 изолированных зубов. В гроте Кон-де-Л'Араго, в 30 км от г. Перпиньяна в 1971 г. были обнаружены две нижние челюсти и хорошо сохранившийся мужской череп («Араго-21»). Впервые за многие десятилетия оказалось возможным одновременно изучить череп и нижние челюсти представителей гоминид конца миндельской эпохи (абсолютная датировка – 450 тыс. лет до наших дней). Череп отличается рядом чрезвычайно архаичных особенностей: низкий свод, «убегающий» лоб, массивный надглазничный валик, намечающаяся «килевидная» форма черепной крышки, очень крупные зубы. Некоторые черты, как, например, слабо выраженные клыковые ямки и некоторая уплощенность скуловой области, могут говорить о начинающейся адаптации к плейстоценовой ледниковой среде Европы, однако эти особенности выражены значительно слабее, чем у неандертальцев, и контрастируют с характерным для донеандертальских гоминид комплексом, который включает небольшой объем мозговой коробки (1166 см³), менее удлиненную, чем у неандертальцев, форму черепа.

Исследователи отмечали сходство «Араго-21» с черепами архантропов – «синантропа» и № 3733. Вместе с тем антропологи не сочли возможным отнести этот экземпляр к виду *Homo erectus*, учитывая ряд прогрессивных черт, в частности небольшой наклон боковых стенок черепной коробки и довольно значительную ширину лобной кости. Весьма интересные результаты дало изучение морфологии двух найденных нижних челюстей – мужской и женской. Чрезвычайно архаичный облик последних сочетается с сапиентными чертами строения зубов, например с отсутствием цингулюма (выступ эмали у основания коронки). В целом эти находки бесспорно напоминают гейдельбергскую челюсть, характеризующуюся, как было сказано выше, такими же соотношениями морфологии зубов и тела челюсти. Несмотря на обычные попытки сблизить «Араго-21» то с архантропами («прогрессивный архантроп»), то с неандертальцами, наиболее адекватным определением для него сочли термин «пренеандерталец», который, конечно, не мог считаться при этом достаточно строгим, с точки зрения научной систематики.

Находка в Кон-де-Л'Араго открыла широкие возможности сопоставлений разных форм гоминид данного типа. Было признано большое сходство «Араго-21» с черепом из Штейнгейма. Так, известный антрополог Д. Джохансон⁶ считает, что штейнгеймский череп представляется как бы уменьшенной копией «Араго-21», причем разница размеров может быть объяснена половым диморфизмом. Наряду с этим исследователи отмечают определенное сходство «Араго-21» с североафриканскими находками в Марокко и Алжире, описанными ниже, что позволяет предположить генетическую связь европейских и африканских форм в рассматриваемый период времени⁷.

Так, в ходе раскопок накапливался материал, позволивший, наконец, рассматривать Гейдельбергского человека не как случайную, единичную находку, которой нет места в систематике, а как часть целого пласта древних гоминид, представленного рядом

сходных форм – Мауэр, Араго, Петралона и других «пренеандертальцев», которые причислялись ранее к архантропам. В работах антропологов 1980-х – 1990-х годов все чаще подчеркивается единство среднелейстоценовых гоминид⁸. Ряд находок, описанных выше, дает возможность расширить приведенный список. Так, согласно мнению ряда авторитетных ученых, в частности К. Хауэлла⁹, черепа из Штейнгейма, Фонтешевада и Сванскомба весьма близки между собой, что позволяет отнести их к описываемой общности. Черты сходства перечисленных экземпляров достаточно отчетливы (несмотря на определенную и неизбежную индивидуальную вариабельность), чтобы можно было говорить, что здесь мы имеем дело не со стадияльными, а с видовыми показателями. Проступают контуры вида гоминид, а значит, этому виду следует дать адекватное наименование. **Любые споры на этот счет излишни: в научной систематике существует правило приоритета биологической номенклатуры, согласно которому предпочтение отдается первому из предложенных ранее наименований. Следовательно, описываемый вид древних гоминид должен называться Homo heidelbergensis.**

Если раньше о типе Гейдельбергского человека можно было судить лишь по морфологии одной нижней челюсти, то со временем стало возможным воссоздать полный облик этого представителя древних гоминид. А материалы продолжали поступать в остеологические коллекции, внося новые уточнения и коррективы.

В 1976 г. в Испании, в пещерах на холмах Атапуэрка близ г. Бургос были обнаружены сначала часть нижней челюсти молодой женщины и два фрагмента юношеских нижних челюстей, затем – ряд других фрагментов черепа и 13 изолированных зубов. По времени находка относилась к миндель-рисскому межледниковью или к началу рисского оледенения (400–200 тыс. лет до нашего времени). Испанский палеоантрополог Э. Агирре и французская исследовательница М.-А. де Люмлей¹⁰ при анализе морфологии найденных экземпляров сразу же пришли к выводу о бесспорном сходстве последних с нижними челюстями «Мауэр-1» и «Араго». Раскопки на холмах Атапуэрка продолжались и привели к ряду важнейших открытий, касающихся морфотипа и происхождения «пренеандертальцев», а также их таксономического статуса и роли в эволюции человека.

Начало 1990-х годов ознаменовалось открытием в 1992 г. костных остатков еще 30 индивидуумов того же типа, в частности calvarium (черепа без нижней челюсти и лицевых костей) – «Атапуэрка-4», а затем хорошо сохранившегося черепа с лицевым отделом – «Атапуэрка-5». В 1993 г. была найдена также нижняя челюсть, очень сходная с экземпляром «Мауэр-1». Черепа из Атапуэрка характеризуются типичным для Гейдельбергского человека мозаичным сочетанием весьма архаичных и сапиентных особенностей и большим размахом внутривидовой изменчивости. Так, «Атапуэрка-5» имеет небольшой объем мозговой коробки (1125 см³), что соответствует масштабу Homo erectus, а «Атапуэрка-4» по объему мозга превосходит все другие известные среднелейстоценовые формы (1390 см³). Черепа из Атапуэрка массивные, с резко выступающим надглазничным валиком, большой толщиной костей, сильным общим лицевым прогнатизмом, выраженным затылочным торусом (гребнем, валиком) и резким перегибом затылка при некоторой уплощенности затылочной чешуи, широким, уплощенным лицом без клыковых ямок, очень широким носовым отверстием. У «Атапуэрка-5» – крупный по масштабу рода Homo верхний клык – крайне архаичная черта. Антропологи отметили некоторые «неандерталоидные» особенности в морфологии индивидуумов из Атапуэрка: уплощенность лица, широкое носовое отверстие, значительное «ретромолярное» пространство на нижней челюсти, т.е. свободный участок пространства челюсти позади третьего моляра.

Возможно, в данном случае имеет место некоторый сдвиг в сторону неандерталоидной специализации в приледниковой зоне. Эти черты, кстати, присутствуют и у некоторых других представителей рассматриваемого вида, в частности – на черепе из Петралона. Не исключено, однако, что подобные особенности были отчасти присущи Гейдельбергскому человеку как общему предку неандертальца и Homo sapiens. По другим показателям индивидуумы из Атапуэрка резко отличаются от неандертальцев.

Это касается прежде всего морфологии затылочного отдела, а также общей формы свода черепа, т.е. важнейших таксономических признаков. Необычно большой объем мозгового черепа у индивидуума «Атапуэрка-4» можно рассматривать и как неандерталовидную особенность, и как сдвиг в сторону *Homo sapiens*.

«Атапуэрка-4» – не единственный в Европе экземпляр, отличающийся архаичной морфологией и большим объемом черепа. Здесь необходимо вспомнить интересную находку на территории Венгрии в 1965 г. в 50 км к северо-западу от Будапешта близ селения Вертешселлеш. Венгерские исследователи М. Кретцой и Л. Вертеш обнаружили на глубине 15 м затылочную кость человека, по которой можно было определить объем мозговой коробки, оказавшийся равным, по первому определению, 1400, а по более позднему – 1325 см³. Наряду с этой, без сомнения, прогрессивной чертой отмечался крайний архаизм, проявлявшийся в очень большой толщине костей и сильно выраженном затылочном турсе. Найденный экземпляр был датирован временем миндельского оледенения. Позже удалось получить уточненную абсолютную датировку – 350 тыс. лет до современности. В данном случае повторилась судьба многих среднеплейстоценовых находок «пренеандертальского» облика: одни исследователи относили найденный экземпляр к *Homo erectus*, другие – к *Homo sapiens* (*palaeohungaricus*). На деле человек из Вертешселлеша – типичный *Homo heidelbergensis* с его ярко выраженной мозаикой эректоидных и сапиентных черт. Подтверждение тому – авторитетное мнение Г. фон Кенигсвальда, который констатировал большое сходство черепа из Вертешселлеша с находкой «Петралона-1»¹¹. О принадлежности экземпляра из Венгрии к рассматриваемому таксону гоминид свидетельствует также его геологический возраст – миндель/миндель-рисс – время господства Гейдельбергского человека. К морфологической характеристике человека из Вертешселлеша следует добавить, что недалеко от фрагмента черепа были найдены молочные зубы, в том числе нижний клык, поразивший исследователей значительными размерами и наличием цингулюма (архаичные признаки на уровне архантропа). О древности и архаизме находки говорит и тип каменных орудий, обнаруженных на стоянке Вертешселлеш: чопперы – образцы «галечной культуры».

О распространении Гейдельбергского человека в сторону Центральной и Восточной Европы в эпоху миндельского оледенения и миндель-рисского межледниковья помимо описанной выше находки в Венгрии свидетельствует еще один ископаемый экземпляр – костные остатки человека из Бильцингслебена в Германии (два фрагмента лобной и два фрагмента затылочной кости). Череп из Бильцингслебена датируется миндель- или миндель-рисским временем (предположительная абсолютная дата – 400 тыс. лет до наших дней). Большинство исследователей без колебаний отнесли нового представителя древних гоминид к виду *Homo erectus*. При этом они исходили из очень архаичного строения его лобных костей: массивного надглазничного валика, «убегающего» назад лба, а также резкого перегиба затылочных костей с образованием сильно выраженного турса. Индивидуума из Бильцингслебена сравнивали с «Синантропом-3», а также африканским экземпляром «ОН-9»¹², т.е. с находками, относимыми обычно к архантропам. Однако в этом вопросе есть много неясностей. Во-первых, мы не располагаем данными о строении лицевого отдела черепа бильцингслебенского индивидуума, а следует помнить, что дисгармония разных отделов черепа была характерна для Гейдельбергского человека, так что разграничение систематического положения последнего и архантропа не может быть достоверным при отсутствии лицевого отдела. Во-вторых, сомнительно, чтобы архантроп с его невысоким уровнем материальной культуры мог осваивать регионы Центральной Европы, характеризующиеся достаточно холодным климатом, особенно если речь идет об эпохе миндельского оледенения. В-третьих, нельзя не учитывать возможность сохранения в периферийных (в ту эпоху) уголках Европы наиболее архаичных вариантов гейдельбергского вида, приспособившихся к холодному климату и долгое время существовавших в изоляции. В-четвертых, исследователи не раз высказывали сомнение относительно возможности проникновения архантропов в Европу с востока либо с юга.

Таким образом, экземпляр из Бильцингслебена скорее всего должен быть включен в вид *Homo heidelbergensis* как один из крайних в морфологическом отношении вариантов последнего.

Гейдельбергский человек в первую очередь заселял южные районы Европы. Кроме описанных выше находок костных остатков представителей этого вида (Араго, Петралона, Атапуэрка), о заселении человеком южноевропейских земель свидетельствуют также экземпляры с территории Италии (Кастель-ди-Гвидо, Скарио) и юга Франции (Терра Амата, Лазаре, Абри-Сюар). Найденные при раскопках в 20 км от Рима (Кастель-ди Гвидо) фрагменты теменной, затылочной и верхнечелюстной костей (вместе с ашельской каменной индустрией и костяными орудиями, датированными средним плейстоценом, т.е. не менее 200 тыс. лет до наших дней) отличаются характерным сочетанием эректоидных и сапиентных признаков¹³, что наряду с геологическим возрастом и каменным инвентарем позволяет включить этот экземпляр в вид *Homo heidelbergensis*. К последнему относятся костные остатки из Южной Франции: Лазаре, близ Ниццы¹⁴ и Грот Принца (тот же район, раскопки А. Люмлей, 1968 г.). Гейдельбергский человек оставил следы своего пребывания и на территории нынешнего города Ниццы: в ходе раскопок в районе туника Терра Амата были обнаружены древние жилища, каменные орудия и уголь костров, датированные средним плейстоценом (370 тыс. лет до наших дней). К сожалению, костные остатки человека в этом месте не найдены, но древность стоянки, равная геологическому возрасту черепа из Вертешселлеша, определенно свидетельствует об эволюционном уровне гоминид данного региона¹⁵.

Костные остатки (зубы и теменная кость ребенка, постоянный нижний клык взрослого человека), обнаруженные в гроте Лазаре, в том же округе Ниццы, датируются более поздним временем – 150 тыс. лет до наших дней и по морфологическим показателям также могут быть отнесены к таксону *Homo heidelbergensis*. Достаточно сказать, что найденный нижний клык по морфологии и размерам примитивнее и крупнее аналогичного зуба из челюсти «Мауэр-1». Характерны и показатели объема мозга ребенка из Лазаре: мозг больше, чем у архантропа, и меньше, чем у неандертальца, что характерно для Гейдельбергского человека. К поздним вариантам *Homo heidelbergensis* (126 тыс. лет до современности) могут быть причислены костные остатки из Абри-Сюар (Франция, деп. Шарант)¹⁶.

Свидетельство присутствия Гейдельбергского человека далеко на юге Европы – находка нижней челюсти ребенка 3–4 лет в Скарио, близ Салерно (Италия). По словам исследовавших ее итальянских антропологов¹⁷, метрические характеристики челюсти и зубов (четырех молочных моляров) крайне примитивны и сходны с показателями европейской «пренеандертальцев». По одним источникам находка датируется 350–252 тыс. лет до наших дней, по другим ее возраст насчитывает 140 тыс. лет. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с переходной формой, так как сопровождающая каменная индустрия близка к мустьерской.

В настоящее время можно констатировать широкое расселение Гейдельбергского человека в среднем плейстоцене по территории Европы. Пожалуй, самой северной европейской стоянкой этого вида человека следует считать пещеру Уэстбери в Англии¹⁸. Датировка культурного слоя пещеры – средний плейстоцен, абсолютный возраст – 400 тыс. лет. По фаунистическим данным и каменному инвентарю стоянка наиболее сходна с местом находки мауэровской челюсти. Костные остатки на стоянке Уэстбери не найдены. Автор описания пещеры предполагает, что ее древние обитатели по своему антропологическому типу были наиболее близки к Гейдельбергскому человеку.

Каковы же основные морфологические особенности рассматриваемого вида гоминид, распространенного в среднем плейстоцене? Прежде всего следует отметить характерную *мозаику стадияльных черт, причем главным образом эректоидных и сапиентных, при слабой выраженности неандерталоидного комплекса: обычно небольшой объем мозговой коробки (меньший, чем у неандертальца) при сравнительно боль-*

шей, чем у последнего, высоте свода; менее покатый лоб; смягченные черты «неандертальской» специализации скуловой области (слабая выраженность либо отсутствии «скошенности» скуловых костей и скулового отростка верхнечелюстной кости); тенденция к формированию клыковых ямок; меньшая относительная длина мозгового черепа; резко отличная от неандертальского типа конструкция затылочной области (отсутствии «неандертальского шиньона»); четко обозначенный перегиб затылочной кости с образованием массивного затылочного турса; округлая, «сапиентная» общая форма затылка; обычно не очень высокие орбиты; как правило, хорошо развитый сосцевидный отросток височной кости (как «сапиентная» черта); более заметный перегиб основания черепа (сапиентный признак, обычно связываемый с речевой функцией), очень большая толщина костей свода при значительной посторбитальной констрикции, т.е. суженном посторбитальном отделе (архаичные признаки). К анатомическим признакам нужно добавить также характерную черту из области археологии: ашельский тип каменной индустрии.

При описании морфотипа и расселения *Homo heidelbergensis* возникают очень важные вопросы: во-первых, можно ли считать Гейдельбергского человека «коренной» европейской формой и, во-вторых, от каких древних гоминид произошел рассматриваемый вид?

Долгое время полагали, что мауэровская нижняя челюсть – древнейшее свидетельство существования Гейдельбергского человека в Европе. (Все последующие палеоантропологические находки оказывались по геологическому возрасту «моложе».) Невдално это мнение резко изменилось в связи с новой сенсационной находкой испанских антропологов в районе уже упоминавшихся холмов Атапуэрка в Пиренеях.

При раскопках 1994–1995 гг. испанские палеоантропологи Х.Л. Арсуага, А. Росас и Х. Бермудес-де-Кастро обнаружили в местности Гран Долина (район Атапуэрка) костные остатки шести индивидуумов, причем особый интерес специалистов вызвал фрагментарный череп подростка с сохранившимися частями лобной, верхнечелюстной и скуловой костей. Наряду с чрезвычайно архаичными морфологическими особенностями этот экземпляр отличается рядом черт, которые можно интерпретировать как сапиентные: практически полным отсутствием неандерталоидной специализации – тип строения скуловой дуги и скулового отростка верхней челюсти, сглаженная область клыковых ямок, вследствие чего, по выражению одного из авторов описаний находки А. Росас, лицевой отдел смотрится как современный. А самое главное – анализ с применением палеомагнитного метода датировки показал поразительно глубокую древность находки – 780 тыс. лет! Экземпляр из Гран Долина сразу же стал описываться в литературе как череп древнейшего европейца.

Испанские исследователи не сочли возможным отнести подростка из Гран Долина к какому-либо известному виду гоминид и предпочли выделить новый вид *Homo antecessor* («Человек предшествующий»). Многие специалисты (среди них Г. Райтмайер, Ж.-Ж. Юблэн, К. Стрингер, М. Уолпофф) не согласились с этим. Д. Джохансон занял осторожную позицию, считая, что индивидуум из Гран Долина – представитель примитивной формы *Homo heidelbergensis* или еще более раннего, неопределенного вида. Эта точка зрения представляется мне наиболее оправданной. Что касается сапиентного морфологического комплекса «древнейшего европейца», то не следует забывать, что как раз эта особенность в той или иной мере характерна для всех перечисленных выше гоминид гейдельбергского вида и отличает его от «классических неандертальцев». Как это ни парадоксально, сапиентный комплекс выступает здесь не как прогрессивный показатель, а, напротив – как архаичный. Неандерталоидные особенности были приобретены позже в процессе адаптации к условиям приледниковой зоны миндельской и рисской эпох и достигли полного развития только у неандертальцев – поздней тушиковой ветви Гейдельбергского человека. Естественно, что у последнего они выражены тем сильнее, чем древнее форма.

Мне представляется сомнительной интерпретация индивидуума Гран Долина как

нового вида: скорее это древнейший вариант *Homo heidelbergensis*. Кстати, упоминавшиеся выше зарубежные исследователи в работах 1990-х годов уже систематически употребляют этот термин. Испанские же антропологи, выделяя находку из Гран Долина в новый вид, считают, что *Homo antecessor* – предок неандертальца и современного человека, причем более поздние представители гейдельбергского таксона были промежуточным звеном на эволюционной линии, ведущей к неандертальцу, и не относились к числу предков современного человека¹⁹. Думается, что вся европейская ветвь *Homo heidelbergensis*, включая находку в Гран Долина (которую я также отнес бы к гейдельбергскому таксону) эволюционировала в сторону неандертальца и не являлась предковой по отношению к современному человеку.

Рассмотрев вопрос о первом Гейдельбергском человеке в Европе, попробуем выяснить, существуют ли какие-либо данные относительно *последних* европейских представителей этого вида.

Исследуя морфотип неандертальского человека, антропологи обнаружили, что представители данного вида гоминид подразделяются на две группы: «атипические» и «классические» неандертальцы. При этом первые могут быть также названы «древними», или «довюрмскими», а вторые – «поздними», или «вюрмскими».

К «атипичной» группе относят такие экземпляры, как Эрингсдорф (Eringsdorf-A, B, C, F, G, H), т.е. находки в Германии близ Веймара с 1908 по 1925 г.; Саккопасторе (Saccopastore 1–2), Италия, окраина Рима, 1929 г.; Гибралтар, 1848 г.; Гановце (Ganovce), Словакия, 1926 г. Возраст – рисс, рисс-вюрм, в абсолютных значениях – 130–100 тыс. лет. Название «атипичные» применительно к этим находкам связано с их противопоставлением «классическому» типу неандертальца: по сравнению с последними «атипичные» варианты характеризуются меньшим объемом мозга при более высокой черепной крышке, менее покатым лбом, меньшей длиной черепной коробки, округлым затылком без «шиньона», большим углом перегиба основания черепа, сильнее развитыми сосцевидными отростками височной кости. *В этом комплексе нетрудно заметить тот же «набор» сапиентных особенностей, который наряду с архаичными чертами создает характерную «мозаику», свойственную Гейдельбергскому человеку.*

Неандерталоидный комплекс здесь представлен большими шириной и высотой лица, большими орбитами, широким грушевидным отверстием, некоторой специализацией скуловой области, что и является главным основанием для отнесения данных находок к неандертальскому таксону. Дополнительным аргументом в пользу этого могут служить и каменные орудия мустьерского типа. Правда, следует сразу же оговориться, что вместе с черепом из Эрингсдорфа были найдены орудия, которые некоторые археологи определили как ашельские. Кроме того, необходимо иметь в виду, что тип каменной индустрии не всегда гармонирует с краниологической характеристикой индивидуума.

В конечном счете так называемые атипичные неандертальцы представляют собой переходную форму и, вероятно, **могут рассматриваться как самый поздний, финальный вариант *Homo heidelbergensis***. К этой же группе можно отнести и упоминавшиеся выше находки в Лазаре, Абри-Сюар, возможно – Скарио (если принять альтернативную датировку, предложенную некоторыми археологами, а именно 140 тыс. лет до наших дней). Они близки во времени или прямо синхронны «атипичным неандертальцам», в частности датировки Абри-Сюар и Саккопасторе практически совпадают (126 и 127 тыс. лет). В этот период заканчивается начавшаяся примерно 800 тыс. лет назад история Гейдельбергского человека в Европе. Дальнейшая специализация к концу рисс-вюрмского межледниковья превращает этот тип гоминид в «классических неандертальцев». Ход эволюционного процесса от африканских форм Гейдельбергского человека до классических неандертальцев очень убедительно иллюстрируют данные одонтологии: так называемый эликристид (средний гребень тригониды нижних моляров) прослеживается на всей этой эволюционной ветви и практически отсутствует у других ископаемых гоминид²⁰.

Завершение анализа истории европейских представителей гейдельбергского вида

еще не дает ответа на вопрос, откуда, от какой более архаичной формы он произошел, другими словами – кто был предком человека из Гран Долина? Таким предком должен был быть архантроп, но его в Европе не обнаружили. В поисках предковой формы европейского *Homo heidelbergensis* логично обратить внимание на Африканский континент. И прежде всего выяснить, жили ли люди этого вида в Африке. Как же отвечает на этот вопрос палеоантропология?

Африканские родственники и предки

В 1921 г. в Африке, на территории нынешней Замбии, близ д. Кабве в местности Брокен-Хилл палеоантрополог А. Камерон нашел довольно хорошо сохранившийся человеческий череп без нижней челюсти. Он имел ряд весьма примитивных черт: массивные надбровные дуги, низкий, «убегающий» лоб, значительную толщину костей, очень большую высоту лица, «крышеобразную» форму черепной крышки. Некоторые исследователи отметили в морфологии черепа из Кабве неандерталоидные черты, в частности большие величины высоты лица и орбит, отсутствие кльковых ямок, скошенность скуловых костей. Однако бросался в глаза примитивный комплекс, не связанный с «неандертальской» морфологией черепа: малая ширина лба с выраженной посторбитальной констрикцией (сужением), сильно развитый затылочный гребень без так называемого неандертальского шиньона (округлый, сильно выступающий затылок), упомянутая «крышеобразная», или «килевидная», форма крышки. И, наконец, что явилось полной неожиданностью, череп из Кабве имел характерные сапиентные черты: крупные сосцевидные отростки височной кости и широкую, подковообразную зубную дугу. Объем черепа был довольно велик – 1300 см³, что можно рассматривать и как сапиентный и как неандерталоидный показатель.

Систематическое положение находки казалось исследователям весьма неопределенным: ее относили то к неандертальскому таксону, то к архантропам. Таким образом, появился еще один «неприсвоенный» представитель ископаемых гоминид, на этот раз африканский. Никто не попытался в то время сопоставить его с Гейдельбергским человеком, так как для этого просто не имелось оснований: нижняя челюсть в африканском варианте отсутствовала, вслико было расстояние между двумя описываемыми экземплярами не только в пространстве, но и во времени, учитывая тот факт, что древность африканской находки, по тогдашним определениям, оказалась очень незначительной (не более 125 тыс. лет).

Прошло много лет, прежде чем накопленный материал позволил по-новому рассмотреть систематическое положение черепа из Кабве: последний, по всеобщему признанию специалистов, был чрезвычайно похож на экземпляры из Петралони и Араго²¹. Не осталось сомнений в том, что загадочный «родезиец», как долго именовали человека из Кабве, – это африканский представитель *Homo heidelbergensis*, причем относительно поздний, с чертами неандертальской специализации. Мало изменилось это предположение и после открытия в 1954–1955 гг. в Африке, в Алжире, в песчаном карьере Тернифина французским палеонтологом К. Арамбуром и немецким археологом В. Хоффштеттером трех примитивных нижних челюстей, которые отнесли первоначально к новому роду *Atlantropus*, а впоследствии – к виду *Homo erectus mauritanicus*. Остальные отделы черепа были представлены лишь фрагментом правой теменной кости. Вместе с костными остатками находились в большом количестве каменные ручные рубила ашельского типа. Древность находки оказалась значительной: по первым определениям, 360 тыс. лет.

Через год близ г. Касабланки в Марокко, в гроте Сидиабдеррахман археолог П. Биберсон обнаружил еще одну нижнюю челюсть, очень сходную с описанными выше и датруемую началом рисского оледенения (примерно 200 тыс. лет до наших дней). В конце 1950-х годов в Марокко был сделан ряд новых важных открытий костных остатков человека, относящихся к миндель-рисскому либо рисскому времени: фрагменты черепной крышки, части верхней и нижней челюстей из Рабата, череп без

нижней челюсти из Сале, фрагменты черепа и зубы из песчаного карьера Томас III. Все эти находки имеют сходство с тернифинским человеком (по новой терминологии – человек из Tighenif), обычно относимым к архантропам. При этом авторы публикаций, касающихся этого варианта древних гоминид, отмечают близость указанных выше костных остатков не только с известными находками архантропов, но и с Гейдельбергским человеком по строению нижней челюсти. К сожалению, и в данном регионе не удалось обнаружить сколько-нибудь полных черепов с нижней челюстью.

Доказательством широкого расселения Гейдельбергского человека по территории Африки послужила находка черепа на крайнем юге этого континента при раскопках в песчаных дюнах близ бухты Салдандья, около д. Хоупфилд, в 145 км к северу от Кейптауна (1953 г.). Была найдена массивная черепная крышка, для которой характерны очень большая толщина костей, низкий свод, сильно развитый надглазничный валик, без понижения переходящий в уплощенную чешую лобной кости. Череп очень сходен с экземпляром из Кабве и, по-видимому, имеет примерно такую же или не-сколько большую древность. Находка из Хоупфилда датируется заключительной фазой среднего плейстоцена (примерно 200 тыс. лет до современности). О принадлежности ее к виду *Homo heidelbergensis* свидетельствует, в частности, морфология найденного там же фрагмента восходящей ветви нижней челюсти, очень сходной с экземпляром «Мауэр-1». Вместе с черепом из Хоупфилда найдены орудия раннеашельского типа.

Весь комплекс данных позволяет причислить эту находку к африканским вариантам Гейдельбергского человека («группа Кабве»). К той же группе находок относят и фрагмент нижней челюсти подростка 12–14 лет, найденный в 1947 г. в ЮАР в гроте Пещера Сердец, а также неполный череп и фрагменты еще двух черепов из Эяси (Танзания, 1934–1936 гг., раскопки Л. Коль-Ларсена). Экземпляр из «Эяси-1» очень сходен с черепом из Хоупфилда, но датируется очень поздним временем (около 36 тыс. лет), что довольно странно, учитывая его архаичную морфологию и малый объем (1150 см³).

Группа Кабве, как и группа Тернифина (Тигениф), характеризуется в целом не слишком глубокой древностью – в среднем не более 200 тыс. лет, хотя обе они чрезвычайно архаичны и вполне соответствуют эволюционному уровню *Homo heidelbergensis*. Вместе с тем далеко не все африканские находки, относящиеся к этому виду, имеют небольшой либо средний геологический возраст.

В начале 1990-х годов в специальной литературе появилось сообщение о находке близ д. Ндуту в Танзании неполного черепа, отличавшегося рядом чрезвычайно примитивных черт в области лицевого отдела и лобной кости наряду с сапиентным строением затылочной и теменной костей²². Такая «мозаика» сапиентных и эректоидных особенностей, а также незначительный объем черепной коробки (но несколько больший, чем у архантропов) и наличие ашельских каменных рубил позволяют отнести череп из Ндуту к гейдельбергскому таксону. Древность находки – около 400 тыс. лет. Тем же или более ранним временем датируются найденные в гроте Лайниамок близ Магади (Кения) три зуба, которые сочетают в себе черты архантропа и современного человека. Альтернативная оценка геологического возраста – 700–560 тыс. лет, что уже приближается к оценкам древности Гран Долина и «Мауэр-1». Сопровождавшая находку каменная индустрия – ашельского типа.

Таким образом, африканские представители гейдельбергского таксона в среднем не «моложе» европейских. Это доказывает также широко известная находка в 1981 г. в Эфиопии, близ Бодо неполного черепа с довольно хорошо сохранившимся лицевым отделом (без нижней челюсти)²³. Экземпляр из Бодо – яркий пример «мозаики» эректоидных и сапиентных черт: массивный надглазничный валик, «крышеобразная» форма крышки, сильный общий лицевой прогнатизм и наряду с этим близкая к сапиентной форма носовых костей, а главное вполне современное строение скуловой области, отсутствие скошенности скуловых отростков верхнечелюстной кости, перегиб в районе скулочелюстного шва, намечающиеся клыковые ямки. К числу признаков, которые

можно истолковать как неандерталоидные, отнесем значительные размеры лица и большую ширину носового отверстия. Однако строение скуловой области не позволяет говорить о сколько-нибудь выраженной неандертальской специализации.

По строению лицевого черепа допустимо предположить, что череп из Бодо дает представление о взрослом индивидууме той популяции, к которой принадлежал подросток из Гран Долина, т.е. перед нами **череп древнейшего представителя Homo heidelbergensis**. К такому же выводу пришел в 1996 г. и американский палеоантрополог Д. Джохансон²⁴. Сопровождающий каменный инвентарь: ручные рубила и кливеры – принадлежат к ашельскому типу. Особый интерес представляет датировка черепа из Бодо: по оценкам 1994 г. его геологический возраст равен 600 тыс. лет! Очевидно, здесь мы уже приближаемся к «корням» гейдельбергского вида и встречаемся с его самыми ранними формами, названными испанскими антропологами Homo antecessor. Одна из ветвей этого вида примерно 800 тыс. лет назад мигрировала в Европу и, адаптировавшись к довольно суровому климату новых мест, постепенно преобразовалась в Homo neanderthalensis, другая ветвь осталась в Африке и дала начало эволюционной линии Хоупфилд – Ндугу – Кабве – Элие Спрингс – Омо-2 – Летоли-18 и, наконец, Омо-1 (Homo sapiens). Впоследствии потомки этой линии мигрировали в Переднюю Азию, а затем – примерно 35–40 тыс. лет назад – в Европу.

Анализ палеолитических находок гоминид показывает, что в течение длительного периода – от гюнца до вюрма – получил распространение политипический вид Homo heidelbergensis, освоивший земли от южной оконечности Африки до 52° с. ш. в Европе. Этот вид, несомненно, произошел от каких-то форм архантропов в период от 1,5 млн. до 800–900 тыс. лет до наших дней. Поскольку архантропы Африки (Homo ergaster) с большей вероятностью, чем азиатские, могут считаться предковой формой новых видов гоминид²⁵ (в том числе в силу их территориальной близости к афро-европейским очагам видообразования), промежуточное звено эволюции между архантропом и Гейдельбергским человеком логично искать прежде всего в Африке.

Временной отрезок 1,5–0,8 млн. лет в целом беден костными остатками человека, однако все же есть одна находка, которая могла бы помочь найти прерванную связующую нить между двумя последовательными видами гоминид. Речь идет о получившей широкую известность в 1960-е годы черепной крышке так называемого Шелльского человека, найденной Л. Лики в Олдовайском ущелье в 1961 г. вместе с шелльскими каменными орудиями²⁶. Огромный надглазничный валик (самый массивный среди всех известных ископаемых гоминид), очень большая толщина костей и низкий свод черепной коробки сразу же склонили исследователей к мысли, что найденный экземпляр следует отнести к архантропам. Этот «диагноз» сохраняется и в настоящее время. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что объем мозга черепа «ОН-9» (так ныне называется Шелльский человек) заметно больше, чем у типичных африканских Homo ergaster (1065 см³). Отсутствие лицевого отдела, к сожалению, не позволяет осуществить оценку других важных диагностических признаков черепа «ОН-9», вследствие чего сравнительный анализ ведется только по очень малому числу параметров, хотя весьма интересную информацию дает геологический возраст находки, который, по первым определениям, считался равным 360–490 тыс. лет, но недавно был пересмотрен и уточнен. Экземпляр «ОН-9» оказался значительно древнее – 1,2–1,3 млн. лет (!). Эта дата, как и морфология черепной крышки, – крайне архаичная и в то же время немного более продвинутая по сравнению с типичными архантропами, что позволяют высказать следующее предположение: в данном случае мы имеем дело с ожидаемой переходной африканской формой от Homo ergaster к Homo heidelbergensis. Если это так, то можно считать, что эволюционное древо Гейдельбергского человека восстановлено полностью – от самых истоков до конца.

Гейдельбергский человек в Азии?

Еще два десятка лет назад такой вопрос удивил бы специалистов: ведь Гейдельбергский человек долгое время считался чисто европейской формой. Однако теперь, когда мы знаем, как широко расселился *Homo heidelbergensis* в Европе и Африке, показалось бы удивительным, если бы этот вид не проник в свое время в Азию. Палеонтологические исследования определенно свидетельствуют о присутствии описываемого вида гоминид в среднем плейстоцене не только в Европе и Африке, но и в Азии.

Одно из свидетельств пребывания представителей *Homo heidelbergensis* в западных районах Азии - находка фрагмента черепа в пещере Мугарет-эль-Зуттие в Израиле (Галилея, близ Генисаретского озера). Его обнаружил в 1925 г. французский археолог Турвиль Петри. Фрагмент включает части лобной, правой скуловой и основной костей. Привлекают внимание чрезвычайно массивный надглазничный валик, значительный наклон лобной кости, большая толщина костей свода. Находка была отнесена к неандертальскому таксону, причем главным образом на основании типа каменного инвентаря (мустье). Однако некоторые важные детали морфологии, в особенности форма и положение скуловой дуги, противоречат такому диагнозу. Трудно согласиться с ним, принимая во внимание датировку – 250–350 тыс. лет. Ситуация здесь примерно такая же, как и с находкой в Скарио: очевидно, в некоторых случаях эволюция каменного инвентаря значительно опережает морфологическую эволюцию. Характерная мозаика краниологических особенностей, причем именно эректоидных (сходство с синантропом) и сапиентных (сходство с черепом из Кафзех), наблюдаемая на галилейском черепе, была отмечена американским исследователем М. Уолпоффом²⁷, с мнением которого вполне можно согласиться. Тогда будет резонно отнести описываемый череп к таксону *Homo heidelbergensis*.

Азербайджанские палеонтологи Д. Гаджиев и М. Гусейнов в 1970 г. описали очень архаичную нижнюю челюсть, найденную в пещере Азых в Карабахе вместе с ашельскими орудиями²⁸. Ими отмечено сходство находки с нижними челюстями «пренеандертальцев», в частности индивидуумов из Араго и Рабата. Вряд ли могут возникнуть сомнения относительно возможности причислить и этот экземпляр к виду *Homo heidelbergensis*, особенно если учесть датировку – миндель-рисское межледниковье.

Дальнейшее продвижение Гейдельбергского человека на восток в среднем плейстоцене отмечено находкой неполного черепа на территории Индии в 1982 г. в долине р. Нармада, (район Хатнора, штат Мадхья-Прадеш). Он сочетал очень примитивные черты (строение лобной кости, низкое положение наибольшей ширины) с комплексом прогрессивных особенностей, в частности с большой емкостью мозговой коробки (1300 см³)²⁹. Череп из Хатнора относили к архантропам, рассматривали как подвид *Homo sapiens* и в конце концов поставили диагноз: «ранний архаичный сапиенс», что практически равносильно определению Гейдельбергский человек. Этот вывод подтверждается также датировкой (средний плейстоцен) и наличием позднеашельских каменных орудий. Ранее археологи неоднократно констатировали наличие на территории Индии примитивных каменных орудий – чопперов и ручных рубил, причем специалисты отмечали большое сходство ашельской культуры Индии и Африки³⁰, что рассматривается как доказательство миграций палеолитического человека из Восточной Африки в Индию.

Связи с Европейско-африканским регионом в среднем плейстоцене простираются и далее на восток от Индии. В Китае, в среднем течении р. Хуанхэ, а также в бассейне рек Ханьшуй и Юцзян археологи обнаружили двусторонне обработанные каменные орудия – бифасы, очень сходные с теми образцами, которые известны по среднеплейстоценовым образцам с территорий Европы и Африки. Таким образом, имело место проникновение групп современников Гейдельбергского человека из древних центров их расселения на Дальний Восток Азии³¹. Данные палеоантропологии позволяют ответить на вопрос о физическом типе этих людей и их эволюционном уровне. В 1978 г.

китайский палеоантрополог Лю Шунтан обнаружил хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти в районе Дали, провинция Шэнси.

Находка, породившая оживленную дискуссию во всем мире, отличается поразительным сочетанием эректоидных и выраженных сапиентных черт: мощный надглазничный валик, низкая и длинная черепная крышка, низкий лоб, большая толщина костей свода при низком, уплощенном лице, невысоких орбитах, хорошо выраженных клыковых ямках и довольно крупных размерах сосцевидного отростка височной кости. Наибольшая ширина черепа локализуется в верхних отделах боковых стенок (как у современного человека). Объем мозговой коробки – 1120 см³ – свидетельствует о промежуточном положении данного экземпляра между архантропом и современным человеком. Та же общая характеристика получена по основным измерительным краниологическим признакам. Однако сапиентный комплекс выражен настолько сильно, что некоторые исследователи, в частности упоминавшийся выше антрополог Д. Джохансон³² сочли возможным отнести эту находку к виду *Homo sapiens*, несмотря на ее значительный геологический возраст – 209 тыс. плюс-минус 23 тыс. лет, согласно данным уранового метода. Впрочем, по иным определениям, череп из Дали «моложе», ему 100 тыс. лет. Что же касается видовой принадлежности этой находки, то не следует забывать о другой стороне ее морфологической характеристики – ряде чрезвычайно архаичных особенностей, выраженных не менее сильно, чем сапиентный комплекс. В этом предельно ярко проявляется **контрастное, « мозаичное » сочетание эректоидных и сапиентных черт, столь типичное для Гейдельбергского человека.** При этом «прогрессивные» показатели здесь так же архаичны, как и «примитивные», поскольку и те, и другие – часть единой **системы видовых характеристик.** Недаром известный антрополог К. Гроувс³³ со всей определенностью отнес индивидуум из Дали к *Homo heidelbergensis*, с чем я полностью согласен.

Сторонники мультирегиональной теории происхождения современного человека («полицентристы») рассматривают индивидуум из Дали как переходную форму между синантропом (*Homo erectus pekinensis*) и современными монголоидами, приводя в доказательство уплощенность лица. Однако другие авторитетные исследователи, в частности Д. Джохансон, не согласны с этим и полагают, что сапиентные черты описываемого черепа носят нейтральный или даже скорее европеоидный характер (особое значение придается сильно развитым клыковым ямкам, не свойственным монголоидам). Региональная преемственность весьма сомнительна. Попытки сблизить дальний череп с неандертальцем явно бесперспективны: в морфологии этой находки нет практически ни одной черты типичного неандерталоидного комплекса³⁴.

Особое внимание следует уделить также еще одной сенсационной находке в Китае, связанной с проблемой Гейдельбергского человека. В 1984 г. в пещере на холме Цзиньнюшань, близ д. Ситянтунь (пров. Ляонин), недалеко от берегов Ляодунского залива был найден неполный скелет с хорошо сохранившимся черепом (без нижней челюсти) молодого мужчины среднелепистоценового времени. Найденному экземпляру присвоили наименование *Homo erectus jinniushanensis*, т.е. индивидуум был причислен к архантропам. При этом палеоантрополог С. Кучера отметил сочетание характерных черт архантропа и сапиенса³⁵.

Череп характеризуется массивными надглазничными дугами «арочного типа» (сходство с экземплярами из Кабве и Зуттие), низкой черепной крышкой, сравнительно небольшим объемом мозга – промежуточным между показателями архантропа и современного человека. Наряду с этим ему присущи сапиентное строение лицевого отдела, включая скуловую область, полностью лишённую неандертальской специализации, небольшую ширину носового отверстия, довольно низкие орбиты, выраженный подносковой шип. Следует также подчеркнуть относительно высоко локализованную наибольшую ширину мозговой коробки и сравнительно небольшую толщину костей. Рядом со скелетом найдены разнообразные каменные и костяные орудия; отмечены следы использования огня.

Древность цзиньнюшанского скелета оценивалась разными методами неодинаково:

назывались цифры 210–300, 280, 200 тыс. лет. Китайский ученый Чен Тиесей³⁶ с помощью уранового метода произвел переоценку геологического возраста китайских палеоантропологических находок. При этом для экземпляра Цзиньнюшань он получил дату 263 тыс. лет, т.е. исследуемый индивидуум жил раньше далийского и был современником последних популяций синантропа (460–250 тыс. лет по К. Гроувсу). Попытки включить находки из Цзиньнюшань и Дали в единую локальную линию эволюции, начинающуюся от яванских и пекинских эректусов, вызвали справедливые возражения: слишком велики различия между китайскими архантропами и цзиньнюшанским человеком. Китайский исследователь Люй Цзуньэ выдвинул вполне резонную концепцию о существовании на территории Китая в среднем палеолите двух видов гоминид, находящихся на разных стадиях эволюции: один из них – *Homo erectus*, другой – более прогрессивный со значительным сапиентным комплексом³⁷.

Учитывая изложенное выше, нетрудно догадаться, кем был «другой»: это, несомненно, *Homo heidelbergensis*. Гейдельбергский человек представлен в Китае как находками в Цзиньнюшань и Дали (между которыми есть несомненное сходство), так и двумя черепами из Юнсян (провинция Хубэй, 350 тыс. лет) и фрагментами черепа из Чаосян (части затылочной кости и верхней челюсти, 160–200 тыс. лет). Популяции Гейдельбергского человека довольно долго сосуществовали с местными архантропами, постепенно вытесняя последних. Отсутствие локальных корней *Homo heidelbergensis* в Китае с необходимостью наводит на мысль о миграции людей с запада в среднем плейстоцене, о чем свидетельствуют и археологические материалы.

Что может добавить антропология об этих миграциях? К. Гроувс пришел к выводу, что черепа из Цзиньнюшань и Дали похожи не на «соседние» формы архантропов (Чжоукюдянь, Хэсянь), а на гоминид Африки и Европы примерно того же периода³⁸. Он констатировал близкое сходство китайских гейдельбергских вариантов с находками из Хатнора (Индия) и Зуттге (Галилея), территориально образующими промежуточные звенья между европейско-африканскими и китайскими *Homo heidelbergensis*. Таким образом, речь идет уже о расселении рассматриваемого вида по территории всего Старого Света.

На соседних с Китаем территориях континентальной Восточной Азии также имеются стоянки древних гоминид: в Лаосе, Вьетнаме, Тайланде. Древнейшие из них имеют геологический возраст 0,6–0,7 млн. лет. К сожалению, отсутствие палеоантропологических материалов затрудняет решение вопроса, какие именно гоминиды населяли эти территории сотни тысяч лет назад. Зато раскопки на о-ве Ява обогатили науку интересными данными, относящимися не только к гоминидам стадии архантропа, но и к более поздним формам. В 1931–1932 гг. голландский геолог К. Тер Хаар при раскопках на высоком берегу р. Соло (Бенгаван) в 10 км от Тринилия, близ Нгандонга обнаружил 11 черепов без лицевого отдела и нижних челюстей (*calvaria*) и две берцовые кости. Позже были найдены еще два черепа. Почти у всех было проломлено основание, а потому исследователи пришли к заключению о намеренном повреждении черепов каннибалами в целях извлечения мозга. Находки имели ряд весьма примитивных особенностей: сильно развитый надглазничный валик, низкий, «крышеобразный» свод, низко расположенный и прямой край чешуи височной кости. Объем мозговой коробки в среднем равен 1151 см³ (1035–1255 см³). Сопровождающий каменный инвентарь – отщепы – очень примитивен.

Руководитель раскопок голландский палеоантрополог В. Оппенроот дал человеку из Нгандонга научное название *Homo soloensis* (или *Javanthropus soloensis*). Позже было предложено другое название – *Homo neanderthalensis soloensis*, связывающее нгандонгскую группу с неандертальским таксоном. Однако, строение затылочной области (массивный торус, резкий перегиб затылочной кости), а также крупный сосцевидный отросток височной кости резко отличают нгандонгские черепа от неандертальских. Яркая выраженная «мозаика» архаичных и сапиентных черт надолго поставила в тупик исследователей, пытавшихся найти для описываемой серии черепов место в систематике гоминид. Преобладало мнение о большей близости нгандонгского человека к

Homo erectus, чем к неандертальцу. Американский антрополог Р. Холлоуэй³⁹, детально изучивший нгандонгскую серию, констатировал наличие явно эректоидных черт в ее морфологии. Это мнение поддержал его соотечественник Дж. Поуп. Однако здесь учтен только архаичный комплекс исследуемой серии. Не следует забывать и о сапиентном комплексе: сосцевидный отросток, форма сочленовной ямки для нижней челюсти.

С черепами из Нгандонга, как мы видим, сложилась ситуация, очень типичная для находок *Homo heidelbergensis*. Принадлежность нгандонгских гоминид к этому виду доказывает их близкое сходство с африканскими представителями того же вида, в частности с индивидуумом из Кабве, о чем не раз писали антропологи⁴⁰. Рассматриваемая серия черепов еще более расширяет пределы зоны расселения Гейдельбергского человека. На островах Индонезии эти люди обосновались, вероятно, сравнительно поздно, судя по нгандонгским находкам. Древность последних невелика: по одним оценкам, примерно 100 тыс. лет, по другим – еще меньше: несколько десятков тысячелетий⁴¹. Очевидно, это реликтовая популяция, оставленная «волной» миграции *Homo heidelbergensis* на пути в сторону Австралии. Полицентристы А. Торн и М. Уолпофф⁴² считают нгандонгского человека промежуточным звеном между яванским архантропом и современными аборигенами Австралии. Впрочем, началом этой линии могли быть также гоминиды из Дали, имеющие общие черты с нгандонгской популяцией.

Быт и материальная культура *Homo heidelbergensis*

Вид *Homo heidelbergensis* явился существенным шагом вперед не только в эволюции физического типа гоминид, но и в развитии их материальной и духовной культуры. Расширились возможности жизнеобеспечения, изменились приоритеты в области хозяйственного уклада. Если *Homo erectus* был только «начинающим» охотником, добывавшим, по-видимому, мелких и слабых животных, (при этом он, вероятно, не оставлял и привычек «скэвинджера» – падальщика), то *Homo heidelbergensis*, по многим данным, являлся уже охотником-«профессионалом» и мог выбирать себе практически любую дичь, включая самых крупных и сильных животных. Так, испанские археологи сообщают, что на нескольких среднеплейстоценовых стоянках (Аридос, Торральба) в Испании наряду с каменными орудиями было найдено множество костей слонов. При этом специальный анализ показал, что мясо слонов использовалось людьми, жившими 250–300 тыс. лет до наших дней, в основном как собственная охотничья добыча, а не в виде падали⁴³.

Один из африканских «прародителей» *Homo heidelbergensis* – человек из Бодо – охотился на гиппопотамов, антилоп, павианов. Кости этих животных найдены вместе с ашельскими рубилами и кливерами⁴⁴. Искусным охотником был человек из грота Араго: он убивал волков, пантер, медведей, кабанов, быков, оленей, носорогов, лошадей, возможно, слонов⁴⁵. В Германии, близ г. Галле при раскопках среднеплейстоценовой стоянки обнаружено много костей разнообразных животных – носорогов, слонов, оленей, быков. На костях видны следы обработки каменными орудиями, найденными в тех же слоях.

Охота, особенно на крупного зверя, требовала совершенствования орудий. Есть сведения, что Гейдельбергский человек значительно расширил набор орудий за счет использования кости и дерева. В 1948 г. в Саксонии, близ Лерингена (район Вердена) на берегах р. Аллер был обнаружен при раскопках скелет древнего слона (*Elephas antiquus*). Рядом с ребрами наряду с ашельскими каменными орудиями лежало тяжелое двухметровое копьё из тиссового дерева⁴⁶. Очень существенно, что оно было обработано и заострено с помощью каменных орудий. Таким образом Гейдельбергский человек уже умел использовать одни орудия для изготовления других (!). В обиходе этих далеких предков современных людей имелись и составные орудия: на стоянке Цзиньнюшань в Китае был найден костяной молот с отверстием для рукоятки⁴⁷.

Активный образ жизни охотников повлек за собой подъем общего материально-культурного уровня. Прежде всего охотничьи племена нуждались в постоянных перемещениях в поисках дичи, приобретая навыки кочевников и путешественников-исследователей новых земель. Отсюда – расширение освоенной части ойкумены и проникновение в разные климатические зоны. Если *Homo erectus* являлся главным образом обитателем тропического и субтропического поясов, то Гейдельбергский человек уже далеко углубился в области с умеренным, прохладным климатом, что поставило перед ним проблемы жилища и одежды. Палеоантропологические находки свидетельствуют, что в среднем и даже раннем плейстоцене в Центральной Европе человек не только осваивал пещеры, но и научился строить неплохие жилища. В 20 км от Праги была обстоятельно исследована древняя стоянка (от 700 до 590 тыс. лет до нашего времени), принадлежавшая одной из наиболее древних групп *Homo heidelbergensis* в Европе.

Эти люди, возможно, генетически близкие к той самой популяции, о которой мы узнали по нижней челюсти «Мауэр-1» и которая послужила основой выделения таксона *Homo heidelbergensis*, успешно обживали земли в новых, достаточно суровых природных условиях. Об этом нам известно по построенному ими каменному жилищу овальной формы размером 3×4 м, обнаруженному при раскопках близ Пжезлетице (Чехия), в 20 км от Праги и датируемому периодом гюнцского оледенения, а может быть, и еще более ранним временем (590–700 тыс. лет)⁴⁸. Эти люди строили свои «дома» приблизительно в ту отдаленную эпоху, когда в Европу проникали первые группы переселенцев из Африки, по типу близкие к индивидуумам из Мауэра и Гран Долина. Они, вероятно, жили небольшими семьями, о чем можно судить по размерам жилища. Несколько построек такого же рода оставила группа древних людей из Бильцингслебена, которых, с моей точки зрения, без достаточного основания относили к *Homo erectus*. Их жилища располагались в ряд на общей площадке. При этом археологи подчеркивают, что перед «домами» был убран мусор⁴⁹. Холодные зимы и систематическая охота на крупного зверя не могли не привести Гейдельбергского человека к изобретению хотя бы примитивной одежды, которая вместе с жилищем, несомненно, должна была стать в те времена важным и необходимым элементом культурной адаптации к условиям умеренного климата Европы и вывести человека на новый этап развития общества.

Матуризованный, массивный тип черепа *Homo heidelbergensis*, безусловно, соответствовал образу жизни охотников, требовавшему большой физической силы. Иногда кажется, что столь грубый и архаичный облик таких черепов, как Бодо, Бильцингслебен, Араго, плохо увязывается с представлением о подъеме на более высокую ступень эволюции по сравнению с архантропом. Однако нужно учесть, что прогрессивные изменения ароморфного характера на магистральной линии эволюции гоминид начинаются не с макроморфологии, а с тонких «деталей» мозга, причем мутации и отбор воздействуют прежде всего на высокоорганизованные отделы мозга, долго оставляя без изменения консервативные архаичные структуры⁵⁰. Японский исследователь Р. Оцука провел детальное исследование причин успешной охоты среди папуасских племен Новой Гвинеи⁵¹. Он сравнивал значение разных факторов: возраста, физической силы, остроты зрения, общего уровня интеллекта. Автор пришел к выводу, что наибольшее влияние на результативность в охоте оказывает интеллектуальный уровень. Исходя из этого, нетрудно понять, что у наших далеких предков развитие охоты, связанные с ней изменения в хозяйственном укладе, потребности в жилище и одежде в условиях умеренной климатической зоны должны были привести к резкому усилению давления отбора на сторону совершенствования наиболее «высоких этажей» центральной нервной системы. А это в свою очередь способствовало усложнению быта, развитию речи, сплочению группы. Возможно, не так далеки от истины Г. Бройер и Р. Лики, давшие черепам из Бодо, Кабве и Ндугу определение «ранний архаичный сапиенс»⁵².

Известно, что огнем научился пользоваться уже архантроп. Для Гейдельбергского

человека огонь стал уже постоянным и необходимым элементом повседневного быта, особенно в силу новых условий жизни в умеренном климате. Именно у людей этого вида отмечено появление очага в жилищах. Один из древнейших очагов удалось обнаружить при раскопках стоянки Мене-Дреган (Бретань, Франция), древность которой определяется периодом 465–380 тыс. лет до наших дней. Очаг был сложен из расположенных кольцом каменных блоков, в середине его остались толстый слой пепла и части костей носорога, мясо которого жарили на открытом огне. Хорошо устроенный очаг найден также на территории древнего жилища Терра Амата: это яма, обложенная камнями, в которой сохранился пепел древних костров. Кстати, на той же стоянке была обнаружена целая «мастерская» каменных орудий ашельского типа, в которой, очевидно, трудилось не одно поколение «профессионалов». Археологи считают, что устройство постоянного очага в жилищах начало практиковаться по крайней мере 500 тыс. лет назад; 200 тыс. лет до наших дней эта деталь материальной культуры стала обычной.

Считается, что обряды захоронения умерших возникли довольно поздно – уже в вюрмское время, у неандертальского человека. Однако есть данные, позволяющие предположить, что этот феномен культуры имеет более древние корни и появился уже у Гейдельбергского человека, о чем свидетельствуют раскопки в Атапуэрка, где зафиксировано предположительно сознательное захоронение нескольких индивидумов. Есть немало доказательств существования у *Homo heidelbergensis* обычая каннибализма: на черепах из Бодо и Гран Долина можно видеть характерные царапины – следы соскабливания мягких тканей каменным орудием. Свидетельства каннибализма отмечены не только у древнейших представителей описываемого вида, но и у самых поздних. Вся серия из Нгандонга на Яве несет следы «пиршеств» каннибалов: отделен мозговой череп, проломлено основание, черепа отделены от посткраниального скелета. Известно, что поедание особей своего вида достаточно распространено в отряде приматов: оно зафиксировано у 50% видов низших обезьян. Есть сообщения, что и среди человекообразных обезьян имеет место то же явление: в частности, шимпанзе иногда съедают своих же детенышей. На протяжении всей предистории человечества каннибализм, очевидно, не был редкостью, хотя он и не может считаться чем-то органично присущим гоминидам либо приматам в целом.

Очень сложен вопрос о наличии у Гейдельбергского человека членораздельной речи. Считается, что речь возникла у человека в процессе эволюции гортани (*larynx*), занимающей у современного человека более низкое положение, чем у предков, что и обеспечивает возможность произнесения широкого спектра звуков. На скелетном материале анатомическая адаптация к речевой функции отражается на строении основания черепа (угол перегиба основания) и форме подъязычной кости (*hyoid*). Если принять эти критерии, то следует сделать вывод: у Гейдельбергского человека речь была развита не хуже, а скорее даже лучше, чем у неандертальца, так как перегиб основания выражен лучше у первого, чем у второго, а подъязычная кость имела столь же совершенное строение как у современного человека, так и у неандертальца. Эту кость обнаружили при раскопках в Атапуэрка (*hyoid* неандертальца был найден при раскопках в Кебара, Израиль).

Заключение

Проведенный сравнительно-морфологический обзор находок черепов так называемых прогрессивных архантропов («пренеандертальцев» и «пресапиенсов») позволяет сделать вывод о существовании в нижнем и среднем плейстоцене единого для всех описанных экземпляров комплекса особенностей, который выделяет исследуемую группу гоминид среди других таксонов Ното, противопоставляя ее архантропам, неандертальцам и *Homo sapiens* как отдельный, хорошо очерченный **политипический вид *Homo heidelbergensis***.

Возникнув примерно 800–900 тыс. лет назад в Африке, вид *Homo heidelbergensis* оказался настолько жизнеспособным и адаптативным, что смог освоить и заселить

практически все доступные территории Европы, Африки и Азии, включая регионы с умеренным климатом. Этому способствовал и высокий уровень искусства охоты, включая совершенствующиеся орудия – не только каменные, но также костяные и деревянные, улучшение условий быта (жилище, одежда), общий прогресс интеллекта. Вид *Homo heidelbergensis* может с полным правом называться **древним человечеством планетарного масштаба**.

В процессе расселения по трем частям Света *Homo heidelbergensis* совершил ряд длительных и дальних миграций: в Европу через область Гибралтарского пролива примерно 800 тыс. лет назад и в Азию, которая была освоена в течение периода 500–200 тыс. лет.

Homo heidelbergensis явился предковой формой для более поздних видов: его европейская ветвь, распространившаяся из области Пиренейского полуострова, послужила основой для возникновения **неандертальского человека** (через промежуточное звено – «атипичных неандертальцев»), а из популяций, оставшихся в Африке, развился вид ***Homo sapiens***, мигрировавший в Переднюю Азию 100–115 тыс. лет до современности и далее – в Европу через область Босфора и Дарданелл (40–35 тыс. лет назад).

Примечания

¹ Howell F.C. The place of Neanderthal man in human evolution // Amer. J. Phys. Anthropol. 1951. V. 9. № 21. P. 379–416.

² Schoch E. Fossile Menschenreste. Wittenberg, 1974. P. 95.

³ Koenigswald G.H.R. von. Die Geschichte des Menschen. Berlin; Göttingen; Heidelberg, 1960. S. 107.

⁴ Billy G., Vallois H.V. La mandibule prériessienne de Montmaurin // Anthropologie (France). 1977. V. 81. № 3. P. 411–458.

⁵ Johanson D., Blake B. From Lucy to language. L., 1996.

⁶ Ibid.

⁷ Aguirre E., Lumley M.-A. de. Fossil men from Atapuerca, Spain: their bearing on human evolution in the Middle Pleistocene // J. Human Evolution. 1977. V. 6. № 8. P. 681–688.

⁸ Zubov A.A. Эволюция рода *Homo* от архантропа до современного человека // Итоги науки и техники. Антропология. 1987. Т. 2. С.93–143; Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М., 1991.

⁹ Howell F.C. Op. cit.

¹⁰ Aguirre E., Lumley M.-A. de. Op. cit.

¹¹ Koenigswald G.H.R. von. Neue Dokumente zur menschlichen Stammesgeschichte // J. Ecology and Geology. 1967. № 60. S. 641–655.

¹² Viček E., Mania D. Ein neuer Fund von *Homo erectus* in Europa: Bilzingsleben (DDR) // Anthropologie (ČSSR). 1977. Bd. 15. № 2–3. S. 159–169.

¹³ Malleghi F., Mariani-Costantini R., Fornaciari G., Longo E.T., Giacobini G., Radmilli A. New european fossil hominid material from an acheulian site near Rome – Castel di Guido // Amer. J. Phys. Anthropol. 1983. V. 62. № 3. P. 263–274.

¹⁴ Lumley H. de, Lumley M.-A. de, Miskovsky S.C., Renault-Miskovsky J.C. Grotte du Lazaret // 9-e Congrès. Union internationale des Sciences préhistoriques et protohistoriques. Nice, 1976. P. 326–347.

¹⁵ Lumley H. de, Lumley M.-A. de, Miskovsky S.C., Renault-Miskovsky J.C. Le site de Terra Amata. Impasse Terra Amata. Nice. Alpe-Maritime // 9-e Congrès... P. 15–49.

¹⁶ Schvoerer M., Rouanet J.-F., Navailles H., Debenath A. Datation absolue par thermoluminescence de restes humains antewurmiens de l'Abri Suard, à la Chaise-de-Vouton (Charente) // Courant. Rev. l'Académie Sciences. 1977. V. 284. № 20. P. 1979–1982.

¹⁷ Malleghi F., Ronchitelli A.T. Deciduous teeth of the Neanderthal mandible from Molare shelter, near Scario (Salerno, Italy) // Amer. J. Phys. Anthropol. 1989. V. 79. № 4. P. 475–482.

¹⁸ Tratman E.K. The Westbury-sub-Mendip cave and the earliest evidence for man in Britain // Proc. Inter. Speleol. Congr. Sheffield, 1977. P. 396–398.

¹⁹ Bermudez de Castro J., Arsuaga J.L. A new face for human Ancestors // Science. 1997. V. 276. № 30. P. 1331–1333.

²⁰ Zubov A.A. The epicristid or middle trigonid crest defined // Dental Anthropology Newsletter. 1992. V. 6. № 2. P. 9–10.

²¹ Stringer C.B. Some further notes on the morphology and dating of the Petralona hominid // J. Human Evolution. 1983. V. 12. № 8. P. 731–742.

²² Clarke R.I. *Homo sapiens*. The Ndutu cranium and the origin of *Homo sapiens* // J. Human Evolution. 1990. V. 19. № 6–7. P. 699–736.

- ²³ White T.D. Cut marks on the Bodo cranium: a case of prehistoric defleshing // Amer. J. Phys. Anthropol. 1986. V. 69. № 1. P. 503–509.
- ²⁴ Johanson D., Blake B. Op. cit.
- ²⁵ Andrews P. The descent of man // New Science. 1984. V. 102. № 1408. P. 24–25.
- ²⁶ Chamla M.-Ch. Les restes craniens de l'Homo erectus OH9 de la Gorge d'Olduvai, Tanzanie // Anthropology (France). 1979. V. 83. № 4. P. 673–674.
- ²⁷ Sohn Songy, Wolpoff M.H. Zuttieyh face: a view from the East // Amer. J. Phys. Anthropol. 1993. V. 91. № 3. P. 325–347.
- ²⁸ Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М. Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыкская пещера) // Уч. зап. Азгосмединститута. 1970. Т.31.
- ²⁹ Kennedy H.A.R., Sonakia A., Chiment J., Verma K. Is the Narmada hominid an Indian Homo erectus? // Amer. J. Phys. Anthropol. 1991. V. 86. № 4. P. 475–496.
- ³⁰ Sen D. Rethinking on the lower Palaeolithic of the Punjab (India and Pakistan) // 9-е Congres... P. 60–64.
- ³¹ Huang W. Bifaces in China // J. Human Evolution. 1989. V. 4. № 1. P. 87–92.
- ³² Johanson D., Blake B. Op. cit.
- ³³ Groves C. P. The origin of modern humans // Interdisciplinary Science Rev. 1994. V. 19. № 1. P. 23–34.
- ³⁴ Зубов А.А. Неандертальцы: что известно о них современной науке? // Этнограф. обозрение. 1999. № 3. С. 67–83.
- ³⁵ Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая. М., 1996.
- ³⁶ Chen Tiemei. Uranium-series dating of bones and teeth from chinese palaeolithic sites // Archaeometry. 1988. V. 30. № 1. P. 59–76.
- ³⁷ Кучера С. Указ. раб.
- ³⁸ Johanson D., Blake B. Op. cit.
- ³⁹ Holloway R.L. Indonesian «Solo» (Ngandong) endocranial reconstructions: some preliminary observations and comparison with Neanderthal and Homo erectus groups // Amer. J. Phys. Anthropol. 1980. V. 53. № 2. P. 285–295.
- ⁴⁰ Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978. С. 260.
- ⁴¹ Schoch E. Op. cit.
- ⁴² Thorn A.G., Wolpoff M. Regional continuity in Australian Pleistocene Hominid evolution // Amer. J. Phys. Anthropol. 1981. V. 55. № 3. P. 337–349.
- ⁴³ Villa P. Torralba and Aridos: elephant exploitation in Middle Pleistocene, Spain // J. Human Evolution. 1990. V. 19. № 3. P. 299–309.
- ⁴⁴ Johanson D., Blake B. Op. cit.
- ⁴⁵ Цит. по: Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978. С. 255.
- ⁴⁶ Хрустов Г.Ф. Генезис социальной деятельности гоминид // Биологическая эволюция и человек. М., 1989. С. 71.
- ⁴⁷ Кучера С. Указ. раб.
- ⁴⁸ Fridrich J. A lower Palaeolithic settlement site of Pžezletice and the finding of a dwelling structure // Anthropologie (ČSSR). 1987. V. 25. № 2. P. 97–99.
- ⁴⁹ Johanson D., Blake B. Op. cit.
- ⁵⁰ Lipp H.P. Non-mental aspects of encephalization: the forebrain as a playground of mammalian evolution // J. Human Evolution. 1989. V. 4. № 1. P. 45–53.
- ⁵¹ Ohtsuka R. Hunting activity and aging among the Gibra Papuans a biobehavioural analysis // Amer. J. Phys. Anthropol. 1989. V. 80. № 1. P. 31–39.
- ⁵² Bräuer G., Leakey R.E. The ES-11693 cranium from Eliye Springs, West Turkana, Kenya // J. Human Evolution. 1986. № 15. P. 289–312.

A. A. Zubov. New interpretation of the «Heidelberg Man's» significance in the evolution of the genus Homo

The term *Homo heidelbergensis* was introduced into the science in 1907 when the human mandible «Mauer-1» was found by Schoetensack near Heidelberg. For a few decades the position of this find in the Hominid taxonomy remained unclear. New discoveries of fossil Hominid remains allow now to conclude that all the forms of *Homo heidelbergensis* represent an integral biological species that was widespread in the Middle and partly Early Pleistocene in Europe, Africa and Asia. This species was the ancestral form of the Neanderthal and Modern Men. It originated some 800 to 900 thousand years ago from the African *Homo ergaster* and came to be the basis for the ancient Mankind up to the late stages of the Riss–Wuermian interglacial. *Homo heidelbergensis* is characterized by a specific morphological complex which distinctly differentiates it from the other species of fossil Hominids and modern Humans. The so called «early atypical Neanderthals», such as Saccopastore and Eringsdorf, could represent the late, final forms of *Homo heidelbergensis*.